

ОТЗЫВ

официального оппонента Александра Олеговича Наумова на диссертацию Дарьи Михайловны Ковба ««Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии (политические науки)

В последние годы концепция «мягкой силы», разработанная еще в 1990-е годы американским политологом Дж. Насм-мл., приобретает все большую актуальность в российском научном и общественно-политическом дискурсе. Это неудивительно, ведь сегодня «мягкая сила», т.е. возможность достигать целей на международной арене не путем принуждения, а с помощью убеждения и привлечения симпатий других акторов, – неизменный атрибут любой державы, претендующей на определенный статус в мировой или региональной политике. На протяжении последних десятилетий безоговорочным лидером в реализации политики «мягкой силы» являлись Соединенные Штаты Америки. Однако сегодня на этом поле появляются новые игроки. Особую актуальность приобретает изучение акторов «мягкой силы» в Восточной Азии. Как известно, мегатенденция современности – смещение глобального центра силы именно в Восточную Азию и АТР. Сегодня в АТР проживает большинство населения планеты, на долю региона приходится 60% мирового ВВП, 50% объема международной торговли, 40% совокупных инвестиций. Здесь расположены пять самых крупных армий мира. Именно страны АТР составляют основу динамично развивающихся международных структур – G20, АТЭС, ШОС, БРИКС.

В этом плане работа Д.М. Ковба, целью которой является «осуществление комплексного анализа политических стратегий «мягкой силы» государств Восточной Азии (Китая, Японии и Южной Кореи)» (с. 10), представляется актуальной, современной и интересной с точки зрения существующих научных дискуссий.

Эмпирическая база, положенная в основу диссертации, широка и разнообразна. Источники, с которыми работал автор, включают в себя статистические и аналитические документы правительственных структур и независимых исследовательских организаций. Нельзя не отметить и качественный подбор научных работ, посвященных как теоретическим проблемам, так и конкретным вопросам политики «мягкой силы» выбранных для изучения государств Восточной Азии.

Структура диссертационной работы логична и соответствует поставленным исследовательским задачам.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения «мягкой силы»» посвящена определению генезиса, теоретических оснований, места концепта Дж. Ная в теории международных отношений, а также выделению основных подходов к исследованию «мягкой силы». В главе проводится всесторонний обзор теорий и идей, находящихся в одном дискурсивном поле

с концептом «мягкой силы», анализируется эволюция взглядов Дж. Ная, а также критические замечания в адрес его теории, наконец, дается авторское определение «мягкой силы» и формулируются ее основные характеристики. Автор справедливо замечает, что английский вариант (*soft power*) «представляет собой образное, метафорическое выражение, настолько удачное и способствующее его популярности, насколько и спорное относительно его трактовки и даже права на существование». И веско обосновывает, что для собственного исследования приоритетным является такой вариант перевода термина «*soft power*», при котором «власть понимается не как авторитетно-властное полномочие, а как властное могущество вообще, в самом его широком смысле, как способность каким-либо желаемым образом воздействовать на сознание и поведение других» (с. 19). Нельзя не согласиться с мнением Д.М. Ковба, что «заслуга Дж. Ная состоит в том, что он, переведя «мягкую власть» из области философии в область политики, с национального уровня на уровень международных отношений и действуя в духе американского практицизма, показал возможности применения «мягкой силы» как инструмента для увеличения влияния на мировой арене» (с. 27). Отдельно следует выделить третий параграф первой главы под названием «Структурный, процессно-ориентированный и измерительный подходы в исследованиях «мягкой силы»», посвященный рассмотрению основных, по мнению автора, подходов к изучению «мягкой силы». Заслуживает внимания справедливый тезис диссертанта о том, что те измерения «мягкой силы», в которых оценено двустороннее восприятие стран, являются более точными, потому что оценка «мягкой силы» страны различается от региона к региону (с. 62). В четвертом параграфе «мягкая сила» анализируется как современная властная технология уже с точки зрения технологического подхода. В итоге Д.М. Ковба приходит к выводу, что «мягкая сила» может выступать эффективной технологией, когда определены цели, целевая аудитория, длительность, масштаб действий, основные акторы, наконец, выстроен долгосрочный стратегический план применения инструментов «мягкой силы» (с. 77).

Вторая глава «Ресурсный потенциал и технологии «мягкой силы» государств Восточной Азии» посвящена непосредственно изучению различных аспектов «мягкой силы» Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея и комплексному сравнительному анализу потенциала «мягкой силы» этих стран. В главе анализируются особенности общественно-политического дискурса «мягкой силы» в выбранных в качестве предмета исследования государствах, выявляются их стратегические цели в области политики «мягкой силы», оцениваются и сравниваются источники и ресурсы «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи, наконец, анализируются факторы, препятствующие более успешной реализации политики «мягкой силы» данных восточноазиатских держав на региональном и глобальном уровнях. Автор абсолютно правильно замечает, что, «как и в случае с культурой, необходимо разделять политическую сферу на политические ресурсы «мягкой силы» и на деятельность, направленную на

освоение и управление этими ресурсами» (с. 109). Благодаря такому подходу изучение ресурсов и практик указанных стран приобретает действительно логичный и законченный вид. На с. 118 автор справедливо пишет, что при исследовании негативных факторов, влияющих на стратегии развития «мягкой силы» государств, наиболее объективные показатели можно получить при изучении регионального восприятия страны. В итоге автор приходит к вытекающему из скрупулезно проведенного анализа выводу, что модель «мягкой силы» КНР можно назвать «равновесной», Японии – «компенсаторной», а Южной Кореи – «балансирующей» (с. 126-127).

В заключении автор последовательно и тщательно обобщает выводы, сделанные им в ходе исследования.

Работа Д.М. Ковба производит благоприятное впечатление и представляется законченным и самостоятельным научным исследованием, имеющим явные достоинства. Помимо упомянутых выше положительных моментов следует со знаком плюс отметить также сюжеты, связанные с изучением взаимосвязи концепта Дж. Ная как с теорией реализма (с. 37-38), так и со смежными понятиями (с. 52-54). Нельзя не отметить предложенную автором универсальную структуру изучения «мягкой силы» (с. 77), на основе которой с успехом был осуществлен соответствующий анализ политики «мягкой силы» Китая, Японии и Южной Кореи. Крайне полезным является обращение к рейтингам и индексам «мягкой силы» (59-62). Несомненным преимуществом работы являются тщательно проработанные и грамотно выполненные приложения (с. 152-171).

Вместе с тем, столь многоплановая работа не может быть лишена определенных недостатков. Среди замечаний, носящих характер пожеланий, можно выделить следующие.

Во-первых, следовало бы актуализировать контент диссертационного исследования, включив в него материалы, вышедшие в свет в последнее время. С одной стороны, это бы добавило работе новизны, а с другой – позволило избежать некоторых неточностей при формулировках, как это произошло, например, с местом работы К.И. Косачева (с. 49). В другом случае, когда Д.М. Ковба пишет о китайском медиа-гиганте CCTV (с. 100), упускается из виду тот факт, что в самый канун 2016 года Центральным телевидением Китая в ходе ребрендинга CCTV News была запущена новая мощная телекомпания CGTN (China Global Television Network). Обращение к источникам 2016–2017 годов также выглядит необходимым, особенно когда речь идет о Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 года, которая пришла на смену цитируемой автором Концепции 2013 года (с. 72-73). Безусловно, обогатило бы диссертацию и обращение к более релевантным рейтингам и индексам «мягкой силы» ведущих государств мира, таким как «The Soft Power 30» за 2017 год (<https://softpower30.com/>). На с. 118 автор утверждает, что «самый свежий из существующих рейтингов», (имея в виду как раз рейтинг компании «Портеленд»), относится к 2015 году, что, к сожалению, не соответствует действительности.

Во-вторых, на наш взгляд, необходимо подумать над формулировками некоторых научных терминов и понятий. В первую очередь, это касается термина «общественная дипломатия», которым автор активно оперирует в своей работе. Представляется, что корректнее все же использовать уже устоявшийся в отечественном научном дискурсе термин «публичная дипломатия». Как известно, публичная дипломатия – ключевой инструментом «мягкой силы» государства, который представляет собой комплекс внешнеполитических мер, направленных на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определенной страны. Публичная дипломатия осуществляется государством и в интересах государства (и, кстати, периодически в работе данный термин все же появляется именно в таком контексте (с. 36, 57, 71, 75-75)). Общественная же дипломатия предполагает взаимодействие не по линии государство – общество, а по линии общество – общество и может как служить государственным интересам, т.е. выступать составной частью публичной дипломатии, так и обслуживать интересы других групп, чьи цели порой расходятся с государственными. В целом, представляется, что более подробное обращение к данному сюжету, анализ работ не только Дж. Ная (с. 35-36), но и других зарубежных и отечественных ученых, специализирующихся на данной проблеме, усилило было диссертацию с научной точки зрения.

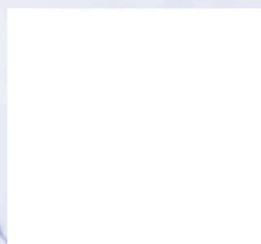
В-третьих, хотелось бы пожелать автору немного расширить рамки исследования. Так, в третьем параграфе первой главы, на наш взгляд, помимо заявленного в названии структурного, процессо-ориентированного и измерительного подходов (которые, разумеется, имеют полное право на существование) можно было бы добавить еще как минимум один – ресурсный, тем более, что по ходу работы автор неоднократно обращается к этой проблематике. В рамках анализа технологий «мягкой силы» можно было больше внимания уделить ее «темной стороне»; хотя деструктивным последствиям применения «мягкой силы» и посвящено несколько страниц (с. 69-72), было бы не лишним усилить этот аспект исследования. Если смотреть на эту проблему более широко, то возникает вопрос, почему в диссертационное исследование, посвященное анализу потенциала «мягкой силы» стран Восточной Азии, не включены другие государства региона – Монголия, КНДР и частично признанная Китайская Республика (Тайвань), которые также обладают «мягкой силой», пускай порой и весьма специфического характера. Возможно, стоило бы более четко прописать данный момент.

Впрочем, подобные замечания вряд ли могут изменить наше уважительное отношение ко всему тексту диссертационной работы и проделанному диссертантом объему добросовестного и самостоятельного труда. Автору действительно удалось создать качественное исследование и внести существенный вклад в приращение научного знания о сущности, формах и стратегиях «мягкой силы».

Содержание автореферата соответствует основным идеям и выводам диссертации. В публикациях содержатся все основные положения диссертационного исследования.

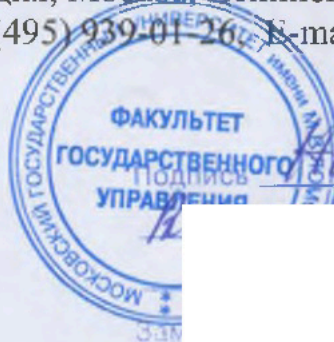
Таким образом, работа соответствует требованиям п.9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ №842, от 24.09.2013г., предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор – Ковба Дарья Михайловна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности «23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии» (политические науки).

Официальный оппонент
Кандидат исторических наук
(07.00.03 – всеобщая история)
доцент кафедры
международных организаций
и проблем глобального управления
факультета государственного управления
ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова»
«24» августа 2017 г.

Наумов Александр Олегович

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д.1.
Тел: (495) 939-10-00, факс: (495) 939-01-26, E-mail: info@rector.msu.ru

Наумов
Александр Олегович
Подпись
Я подтверждаю